

УДК 821.16.11

ОБРАЗ ИНДИИ В ТРАВЕЛОГЕ МАРИИ АРБАТОВОЙ «ДЕГУСТАЦИЯ ИНДИИ»

© Лариса Кислова, Светлана Драчева

THE IMAGE OF INDIA IN MARIA ARBATOVA'S TRAVELOGUE "TASTING INDIA"

Larisa Kislova, Svetlana Dracheva

This article deals with an Indian paradigm in terms of geopoetics. Traditionally, a geopoetic image is a result of symbolizing a geographical landscape. The travelogue as a personal journey suggests a high degree of reflection. Thus, writers have turned to this genre at all times. However, at the turn of the 20th – 21st centuries, it has become extremely popular due to its transformation into a multi-level, syncretic genre. A travelogue writer fixes his or her personal experiences of movements in the external space, creates his or her own model of the world and broadcasts an individual concept of the spiritual journey. M. Arbatova's travelogue represents a fairy tale country with its amazing mysteries. When assimilating into the Indian space, the author-hero discovers another reality, which is mentally alien and at the same time inconceivably close. India is both a real geographical space and a parallel mythological world, where Arbatova's hero exists and travels about the deepest corners of her own world. In M. Arbatova's travelogue, Indian text embodies both spatial representations, cultural codes and a deep, almost meditative state of the heroine, who is in her own space of dreams. Symbolically, despite its dangers, the author-hero perceives Indian space as a spiritual oasis. Thus, in M. Arbatova's travelogue "Tasting India" the opposition "own – alien" overcomes.

Keywords: travelogue, geopoetics, Indian text, space, hero, opposition "own – alien", landscape.

В статье «Образ Индии в травелоге Марии Арбатовой „Дегустация Индии“» индийская парадигма рассматривается сквозь призму геопоэтики. Геопоэтический образ традиционно формируется в результате символизации того или иного географического ландшафта. Травелог, предполагающий высокую степень рефлексии как личное путешествие, оставался привлекательным для художников во все времена, но на рубеже XX – XXI вв. он является чрезвычайно востребованным во многом потому, что превращается в многоуровневый, синкретический жанр. Фиксируя в тексте личные ощущения от перемещений во внешнем пространстве, автор травелога, как правило, создает собственную модель мира и транслирует только свою концепцию духовного путешествия. В травелоге М. Арбатовой «Дегустация Индии» репрезентируется образ сказочной страны, готовой дарить путешественнику удивительные открытия. Ассимилируясь в локальном индийском контенте, автор-персонаж погружается в ментально чужую, но при этом непостижимо близкую реальность. Героиня М. Арбатовой, существуя в действительном географическом и параллельном мифологическом пространстве Индии, одновременно путешествует по заповедным уголкам своего мира. Индийский текст в травелоге М. Арбатовой является не только воплощением пространственных представлений или изображением культурных объектов или набором культурных кодов, но и выражением глубокого, почти медитативного состояния героини, оказавшейся в стране собственных грёз. Символично, что пространство Индии при всей своей опасности воспринимается автором-персонажем как своеобразный духовный оазис. Таким образом, в тексте травелога Марии Арбатовой «Дегустация Индии» преодолевается оппозиция «свое – чужое».

Ключевые слова: травелог, геопоэтика, индийский текст, пространство, герой, оппозиция «свое – чужое», ландшафт.

Пространственные образы, являющиеся частью географического, этнографического и культурного ландшафтов, активно изображаются в современных художественных и документальных текстах, а значит, геопоэтика становится од-

ним из приоритетных направлений в современной литературоведческой науке: «Внимание к изучению образов географического пространства в культуре неуклонно нарастает, начиная с 1990-х годов. В этом проблемном поле сегодня встре-

чаются и взаимодействуют разные дисциплины и соответствующие им дискурсы: филология, культурология, география, социология, политология. Поэтому в исследованиях этого рода нет пока внятно отрефлектированной единой понятийной и терминологической системы» [Абашев]. Исследование культурно-географических объектов в литературе позволяет наделять художественные и документальные тексты особыми смыслами. Геопозитический образ формируется в том случае, если происходит концептуализация ландшафта «и его доминирующие черты получают символическое осмысление» [Там же]. В. В. Абашев отмечает, что «культура не только развивается во времени, но и размещается в пространстве, взаимодействует с ним, определяя формы его восприятия. И речь в таком случае идет о пространстве не в метафорическом, а в самом буквальном смысле слова – о пространстве географическом, в котором живет, распространяется и которое осваивает национальная культура» [Там же]. Образ места зачастую доминирует в современной литературе, создавая особый симбиоз реального и символического, а слияние локальной единицы и культурной парадигмы «фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (*гео*) и организующей его культурной формы (*поэтика*)» [Там же]. Тексты, в которых через субъективное восприятие автора-персонажа показаны те или иные географические культурные ландшафты обладают особой притягательностью для читателя.

В. В. Абашев утверждает, что «геопозитика – раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов. <...> Под геопозитикой мы понимаем исторически складывающуюся систему образно-символических констант в репрезентации географической территории как единого целого» [Там же].

Сам по себе жанр травелога в настоящее время переживает второе рождение: «Травелог (возможен вариант произношения как трэвелог) – от английского “travelogue” – о путешествии (журнал, диалог, дневник, в современном понимании еще и блог, посвященный описанию странствий). Жанр нынче не просто востребованный, а популярный. Но потому и размытый. <...> Ведь в традиционном виде травелог – не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (за-

рисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность). Помимо физического перемещения тела в пространстве, этот жанр предполагает и метафизическое путешествие, в финале которого происходит если не взросление, то как минимум умудрение (как повествователя, так и читателя)» [Бондарева, с. 165]. В. Д. Черняк и М. А. Черняк, характеризуя литературу о путешествиях, замечают, что она «на структурном и содержательном уровне способна объединять элементы различных жанровых форм. На каждом этапе развития русской литературы доминирующей становится одна из них. Травелог – свободная жанровая схема, в которой главное – мобильность пишущего» [Черняк В, Черняк М, с. 60].

Современный травелог при всех его особых характеристиках тем не менее обладает классическими признаками этого жанра: наличием образа повествователя-путешественника и пространственно-временной дискретностью: «В отличие от романа-странствия, который представляет собой рассказ о становлении героя, путешественник в травелогe – уже сложившаяся личность. Он может претерпевать изменения, но это изменения в настроении, в направлении мыслей, но не в характере, личности» [Никитина, Тулякова]. Дискретность повествования в травелогe может быть отчетливо проявлена, поскольку «значимость различных отрезков путешествия в травелогe определяется авторским замыслом и важностью их для раскрытия образа путешественника, мира и их взаимоотношения. В то же время постоянное присутствие программы путешествия дает возможность для игры с читательскими ожиданиями» [Там же].

Собственно, популярность травелога в XXI веке свидетельствует не только об упразднении многих географических границ, но и об отмене неких внутренних ограничений: «Притом в самой идее „путешествия“ продолжает оставаться нечто весьма привлекательное для общекультурного сознания. Неспроста тексты о путешествиях, переводные и оригинальные, продолжают появляться в изобилии <...> Фокус внимания травелографа заметно смещается извне – внутрь. (Происходит, так сказать, интериоризация, „овнутрение“ путешествия.) Пишущим все больше интересно описание не столько зримого мира самого по себе, сколько взаимодействующего с ним человека, его внутренней феноменологии. Пространство все чаще становится инструментом для решения внеположных ему задач» [Балла]. Сегодня литература сталкивается с настоя-

щим тревелого-бумом: переводных и русскоязычных текстов о путешествиях появляется все больше. Таким образом, «оставаясь удобной формой непосредственной фиксации впечатлений, путевая проза становилась универсальной матрицей постижения „иного“, создания и закрепления „образа другого“ на разных уровнях художественного обобщения вне зависимости от задач автора, а следовательно, и его нарративной стратегии» [Мамуркина, с. 112]. В современной русской литературе жанр тревелога, по мнению ряда исследователей, возможно, ещё до конца не сформировался и находится в стадии становления. Однако, говоря о тревелогах, следует отметить такие тексты, как «Остров, или оправдание бессмысленных путешествий», «Пространство и лабиринты» В. Голованова, «На пути в Итаку» С. Костырко, «Город заката» А. Иличевского, «Вернись и возьми» А. Стесина, «Матрос на мачте» А. Таврова, «Книга перемещений» К. Кобрин, «Внутренняя Венеция» Д. Бавильского. Особое место среди современных тревелогов занимают русскоязычные и переводные произведения, посвященные Индии (М. Арбатова «Дегустация Индии», М. Москвина «Небесные тихоходы», А. Ващенко и А. Кашкаров «Бом Булинат. Индийские дневники», Э. Гилберт «Есть, молиться, любить», Г. Д. Робертс «Шантарам»). Таким образом, Индия становится для путешественника некой особенной страной, тайным сакральным местом, где он может обрести долгожданную гармонию: «*Знаковое место – пространство (территория, акватория, ландшафт, урочище), имеющее определенные семиотические характеристики в рамках конкретного метапространства (пространства, обладающего по отношению к знаковому месту большей семиотической размерностью)*» [Замятин, с. 34].

В литературе последних лет образ Индии превращается в чрезвычайно востребованную тему. Авторы, пишущие об Индии, создают изысканную картину абсолютно другого мира, напоминающего детскую мечту и наполненного ароматом вечного праздника. Миф об Индии исторически становится для русского сознания одним из самых желанных (А. Никитин «Хождение за три моря», Е. Блаватская «Письма из пещер и дебрей Индостана»). Индия представляется страной загадочной, далекой и непостижимой.

Мария Арбатова в своем тревелоге «Дегустация Индии» (2006) репрезентирует субъективное восприятие культурного и географического пространства Индии. Постигание чужого пространства происходит органолептическим путем: «*Но мало ли какие в Индии секреты, страна же волшебная...*» [Арбатова, с. 163]. Образ Индии скла-

дывается из ощущений героини – слуховых, цветовых, ольфакторных, сенсорных: «*Все турагентства и кинофильмы врут, Индию пересказать нельзя. В этом смысле я тоже вру, потому что могу изложить только свою „психическую правду“ об Индии. У вас она все равно будет другая*» [Там же, с. 5]. Время в Индии течет размеренно и неспешно, жизненный ритм индийского города антитетичен энергичному, пассионарному ритму многих европейских городов, но частное пространство в Индии практически отсутствует: «*Женщине по Индии трудно просто гулять и глазеть. Каждый шаг превращается в борьбу за частное пространство, за право быть наедине с собой*» [Там же, с. 400]. При этом Индия представляется местом, где можно укрыться от бесконечных потрясений, погрузиться в состояние покоя в многочисленных ашрамах, индуистских и буддистских храмах. Вообще же пространство индийского мира воспринимается героиней как консервативное, замкнутое, отделенное от остальной вселенной и развивающееся по своей особой траектории.

Индийский мир кажется автору-персонажу смешением разнообразных звуков, цветов и запахов: «*Рынок набит людьми, красками и запахами. На нем есть все: фрукты, еда, орехи, одежда, обувь, украшения, железки, мебель, травы, пряности, чаи, духи, мыло, шкуры, перья, кожа...*» [Там же, с. 192–193]. Таким образом, индийская повседневность воспринимается героиней амбивалентно: с одной стороны, вялый и консервативно-размеренный уклад жизни, с другой же – человеческий водоворот, похожий на безумное, хаотичное, ошарашивающее «бруновское движение». Здесь радужные краски и праздничность соседствуют с крахмально-белыми стенами Тадж Махала, многочисленные ароматы пряностей, благовоний, духов и готовки смешиваются с жарой и запахом бензина; яркие сари на красивых состоятельных индианках, оставляющие в душе ощущение праздника и карнавала, контрастируют с изуродованными нищими и калеками, голодными больными детьми и женщинами, добровольно-принудительно страдающими в рамках национальных традиций. Весь этот индийский «Вавилон» пропитан жизнелюбием, доброжелательностью, надеждой. Однако зачастую у приехавших из другого мира людей в Индии возникает проблема диалога. Индийцы активно вовлекают в свой почти замкнутый круг туристов, лишая их любой возможности сопротивляться такого рода общению:

Как всякая жаркая страна третьего мира, Индия – страна с проблемой диалога. Кастовое и ролевое со-

вершено заменяет им индивидуальное. Они из своей роли с неутомительным интеллектом кидают мостик в твою роль, при этом страшно сужают палитру обеих ролей. <...> Слова там не настолько весомы, время настолько длинное и просторное, что важен контекст [Там же, с. 400–401].

Значительное место в тексте М. Арбатовой занимает исследование, посвященное проблеме гендерной сегрегации женщин в Индии: «„Что в Индии, которой я еще не видела, кажется мне самым необъяснимым?“ И немедленно ответила: „Сати!“» [Там же, с. 141]. Индия воспринимается героиней уже не только как географическое и социокультурное пространство, не только как сказочное, полное неизъяснимого очарования место, но также и как страшная, намертво запаянная в религиозные традиции темница для женщин: «Короче, за расписной прелестью индийской жизни стоит такой женский стон, что мы, российские женщины, по сравнению со всем этим живем в полном шоколаде» [Там же, с. 204]. Наряду с женщиной-жертвой в тексте М. Арбатовой возникает и образ женщины-бунтарки. Рассказывая о судьбах Индиры Ганди, Сони Ганди, Калпаны Датта Лакшми Сегал Сахгал), Фулан Деви, М. Арбатова знакомит читателя с другой Индией, страной, в которой женщина может сопротивляться жестоким законам брахманов.

В травелоге «Дегустация Индии» четко прослеживается оппозиция «свое – чужое»: «Основной жанрообразующей чертой травелога <...> является стремление к достоверному изображению „чужого“ мира, пропущенного через восприятие путешественника» [Майга, с. 258]. Попав в Индию, героиня М. Арбатовой понимает, что она всего лишь одна из многих сотен туристов и что вряд ли сможет стать «своей» в этой стране, поскольку до конца постичь Индию невозможно:

Не помню страны, в которой бы я ощущала на себе такое количество удивленных и изучающих взглядов. Мне казалось, что я еду „своей“. Но „своим“ в Индии было не просто другое, а противоположное... И, презентуя себя „вдохновенной буддисткой“, я выглядела здесь вызывающе выглядящей туристкой [Арбатова, с. 213].

Автор называет свой текст «дегустацией» и словно стремится зафиксировать все прекрасные мгновения пребывания в этом мире: запахи, звуки и цветовые оттенки. Для героини М. Арбатовой цвет – своеобразный алфавит, позволяющий людям общаться с друг с другом. Она акцентирует внимание на яркой цветовой палитре, столь

распространенной в Индии: «Джайпур до краев налит цветом. Просто какие-то „молочные реки – кисельные берега“» [Там же, с. 324]; «Розовый цвет города означал гостеприимство» [Там же, с. 344]. В тексте повсеместно представлено и ольфакторное пространство. Запахи становятся для героини М. Арбатовой своеобразным индикатором восприятия индийской повседневности: «Одорическая образность литературного произведения является одним из традиционных компонентов его поэтики, поскольку запахи участвуют в построении художественной картины мира наряду с другими сенсорными характеристиками предметно-вещного пространства – цветом, фактурой, звуком» [Рогачева, с. 11–12]. Вдыхая запах Индии, рассказчица чувствует аромат куркумы, бананов, тростника, бамбука, сладостей: «От жары в сочетании с запахами бензина, благовоний, специй, готовки, индийских духов, свежей краски на тканях, новой кожаной обуви и пыли кружилась голова» [Арбатова, с. 200]. Героиня М. Арбатовой впитывает непостижимые ароматы, насыщаясь жизненной энергией и словно растворяясь в этом уникальном пространстве. Стремясь передать свои ощущения, она описывает удивительные запахи, служащие «символами неясных, нерасчлененных внутренних состояний» [Рогачева, с. 11] и участвующие в создании той самой уникальной атмосферы индийского мира.

Понятие «атмосфера», толкуемое как эмоциональное содержание произведения, эмоционально-семантическое поле текста, остается чрезвычайно субъективным. Носителями атмосферы в произведении М. Арбатовой являются все компоненты поэтики. В травелоге «Дегустация Индии» присутствует ощущение жизни, интуитивное ее постижение, основанное на сенсорных характеристиках, которые становятся инструментом взаимодействия с миром и выстраивают «многомерную реальность» [Там же, с. 15] художественного произведения.

В травелоге «Дегустация Индии» объективируется мотив погружения. Героиня приезжает в Индию и погружается в уникальную мифологизированную атмосферу, продолжая создавать авторский миф о «неизведанной стране»:

Когда возвращаешься из Индии, понимаешь, как трудно от нее оторваться. Она странная, она безумная, она страшная и смешная. <...> Гуманитарно Индия для меня очень трудная страна, она глуха ко многому тому, что мне важно в жизни... И в то же время она очень моя. <...> и я подмигиваю ресторану „Хаджурао“, живущему в соседнем доме от меня. И я снова собираюсь в Индию... [Арбатова, с. 413].

Автор-персонаж воспринимает Индию как амбивалентное пространство. С одной стороны, это – чужое пространство, чужие запахи, неприемлемые принципы жизни, жесткая дискриминация в отношении женщин (обряд сати), нищета и грязь, а с другой – Индия удивительно близка героине М. Арбатовой на каком-то внутреннем, ментальном уровне. Позже в «Индийском цикле» (2008) поэтессы Веры Полозковой в контексте индийских впечатлений автора возникает тот же мотив неразделенности, неразрывности с Индией, вечной любви к ней:

Обнаружить через неделю, как выцветают в тебе
индийские сари, дети,
рассветы, шуточки, города,
как не остается от них ни камушка, ни следа,-
Только ведь моя Индия из меня не денется никуда.

Моя Индия не закончится никогда [Полозкова, с. 54].

Индию М. Арбатовой следует рассматривать как пространство, в котором сопряжены культурные, географические, этнические коды (как пример «„гео-этнической“ панорамы» [Топоров, с. 30]). Героиня видит в Индии все то, что наблюдает любой турист, но, созерцая традиционные культурные объекты, она воспринимает эту страну как чужой и в то же время родной мир, место, где живет только ее душа, ее персональный Ауровилль. Таким образом, «соблазн Другого» [Эткинд, с. 9] позволяет автору-персонажу погрузиться в индийский социальный, гендерный, географический и культурный контексты, не отказываясь при этом от своей ментальности как «неподлинной» («чем сильнее вера в недоступную подлинность Другого, тем чаще явления собственного мира признаются фальшивыми и пустыми» [Там же, с. 10]). Напротив, освоение семиотически маркированных локусов возвращает героиню к собственному пространству:

О, как мне хотелось к своим! Когда стайка аэрофлотовских стюардесс зацокала каблучками, я отметила, что наши самые элегантные <...>. Аэрофлот я осознаю как продолжение России» [Арбатова, с. 409].

Индийский текст в травелоге М. Арбатовой становится не просто воплощением пространственных координат или набором культурных кодов, но выражением внутреннего состояния субъекта сознания, оказавшегося в иной действительности. Таким образом, Дели, Агра, Джайпур, Калькутта, Фатехпур – Сикри, Ауровилль и другие индийские локусы воспринимаются героиней Марии Арбатовой как духовные оазисы. В травелоге автора образ Индии, обладающий

космогонической природой и наделенный глубоким философским смыслом, состоит из локальных, ярких, креативных образов-зарисовок. Ольфакторность, визуальность, чувственность, тактильность этих образов способствуют созданию единой индийской культурно-географической парадигмы, включенной в бесконечное мифологизированное пространство.

Список литературы

- Абашев В. В.* Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Дом Пастернака. Память Всеволодо-Вильвы, 2006. URL: <http://dompasternaka.ru/library/detail.php?id=436> (дата обращения: 18.05.2016).
- Арбатова М.* Дегустация Индии. М.: Аст: АСТ МОСКВА, 2007. 412 с.
- Балла О.* Нефототрафизмы: Преодоление травелога // Балла О. Примечания к ненаписанному, 2013. URL: <http://gertman.livejournal.com/152260.html> (дата обращения: 18.05.2016).
- Бондарева А.* Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. С. 165–169.
- Замятин Д.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. № 9. Т. 3. С. 26–50.
- Майга А. А.* Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3 (37). С. 254–259.
- Мамуркина О. В.* Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 110–113.
- Никитина Н. А., Тулякова Н. А.* Жанр травелога: когнитивная модель // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23 – 27 июня 2014 г. Калининград, 2014. Вып. 6. URL: <http://www.hse.ru/data/2014/07/30/1311469989/Никитина,%20Тулякова.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).
- Полозкова В.* Индийский цикл // Полозкова В. Остотчерчение. М.: Лайвбук, 2014. С. 36–55.
- Рогачева Н. А.* Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: Проблемы поэтики. Монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2010. 404 с.
- Топоров В. Н.* «Гео-этнические» панорамы в аспекте связей истории и культуры (к происхождению и функциям) // Культура и история. Славянский мир. М.: Индрик, 1997. С. 23–61.
- Черняк В. Д., Черняк М. А.* Травелог – новый старый жанр: случай Дины Рубиной // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 59–62.
- Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

References

- Abashev, V. V. (2006). *Geopoeticheskiy vzgliad na istoriiu literatury Urala* [Geopoetical view at the history of Uralian literature]. Dom Pasternaka. Pamiat' Vsevolodo-Vil'vy, 2006. URL: <http://dompasternaka.ru/library/detail.php?id=436> (accessed: 18.05.2016). (In Russian)
- Arbatova, M. (2007). *Degustatsia Indii* [Tasting of India]. 412 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Balla, O. (2013). *Nefotografizmy: Preodolenie traveloga* [Non-photographism: Overcoming travelogue]. Balla, O. Primechaniia k nenapisannomu, 2013. URL: <http://gertman.livejournal.com/152260.html> (accessed: 18.05.2016). (In Russian)
- Bondareva, A. (2012). *Literatura skitanii* [The literature of roams]. Oktiabr', No.7, pp. 165–169. (In Russian)
- Chernyak, V. D, Chernyak, M. A. (2015). *Travelog – novyi staryi zhanr: sluchai Diny Rubinoi* [Travelogue – a new old genre: the case of Dina Rubina]. Lingvistoricheskaia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty, No. 20, pp.59–62. (In Russian)
- Etkind, A. (2001). *Tolkovanie puteshestvii. Rossia i Amerika v travelogah i intertekstah* [Interpretation of trips. Russia and America in travelogs and intertexts]. 496p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Maiga, A. A. (2014). *Literaturnyi travelog: spetsyfika zhanra* [The literary travelogue: the specificity of the genre]. Filologiya i kultura. Philology and Culture, 2014. No. 3 (37), pp. 254–259. (In Russian)
- Mamurkina, O. V. (2013). *Travelog v russkoi literaturnoi traditsii: strategiiia tekstoporozhdeniia* [Travelogue in the Russian literary tradition: the strategy of the text generation]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, No. 9 (27), Ch. 2, pp. 110–113 (In Russian)
- Nikitina, N. A., Tulyakova, N. A. (2014). *Zhanr traveloga: kognitivnaia model'* [The genre of travelogue: a cognitive model]. Shestaia mezhdunarodnaia konferentsia po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov. Kaliningrad, 23 – 27 iunia 2014 Vyp. 6. URL: <http://www.hse.ru/data/2014/07/30/1311469989/> Никитина,%20Тюлякова.pdf (accessed: 18.05.2016). (In Russian)
- Polozkova, V. (2014). *Indiiskii tsikl* [The Indian cycle]. Polozkova, V. Ostocherchenie. Pp. 36–55. Moscow, Laivebuk. (In Russian)
- Rogacheva, N. A. (2010). *Ol'faktornoe prostranstvo russkoi poezii kontsa XIX – nachala XX vv.: Problemy poetiki. Monografiia* [Russian poetry of the end of XIX – early XX century: Problems of the poetics. Monograph.]. 404 p. Tyumen, Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
- Toporov, V. N. (1997). *“Geo-etnicheskie” panoramy v aspekte svyazei istorii i kultury (k proishozhdeniiu i funktsiiam)* [“Geo-ethnic” panoramas in the aspect of communications of history and culture (to an origin and functions)]. Kultura i istoria. Slavianskii mir. Pp. 23–61. Moscow, Indrik. (In Russian)
- Zamiatin, D. (2010). *Gumanitarnaia geografia: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh gumanitarnykh nauk* [Humanitarian geography: space, imagination and interaction of modern humanities]. Sotsiologicheskoe obrazovanie, 2010, No. 9, T. 3, pp. 26–50 (In Russian)

The article was submitted on 20.06.2016

Поступила в редакцию 20.06.2016

Кислова Лариса Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ФГБОУ ВО «Тюменский
государственный университет»,
625003, Россия, Тюмень,
Володарского, 6.
lorkis05@mail.ru

Драчева Светлана Олеговна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ФГБОУ ВО «Тюменский
государственный университет»,
625003, Россия, Тюмень,
Володарского, 6.
dracheva@mail.ru

Kislova Larisa Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Tyumen State University,

6 Volodarskogo Str.,
Tyumen, 625003, Russian Federation.
lorkis05@mail.ru

Dracheva Svetlana Olegovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Tyumen State University,

6 Volodarskogo Str.,
Tyumen, 625003, Russian Federation.
dracheva@mail.ru